

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА М. А. БАКУНИНА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Анархизм является одной из наиболее интересных философских концепций и политических движений России. Возникший в XIX веке в лоно народничества, он получил своё дальнейшее развитие в концепциях М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого. Русский анархизм в своём становлении был обязан формированию западноевропейской анархической доктрины, концепциям П.Ж. Прудона, М. Штирнера, но при этом включал и теоретические моменты, определённые особенностями формирования русской культуры, теми ключевыми проблемами, которые приходилось решать в России. Особое значение в философии русского анархизма занимает концепция М.А. Бакунина. Согласно А. Камю «Бакунин оказался единственным в своё время мыслителем, с исключительной яростью обрушившимся на правительство, состоящее из ученых. Наперекор всем отвлечённым догмам он встает на защиту человека как такового, полностью отождествляемого с бунтом, в котором тот участвует» [1, с. 240]. Надо подчеркнуть, что концепция органической демократии – идеал анархии Бакунина – принципиально отличается от теории буржуазного демократического правового государства. В своих воспоминаниях Рихард Вагнер, который встречался с Бакуниным в Дрездене, отмечал, что Бакунин безразлично относился к республике и демократии [2, с. 173]. Философ понимал демократию как подлинное самоуправление народа, его освобождение от бюрократических политико-правовых форм, и критиковал демократическое государство, основанное на всеобщем избирательном праве, которое может быть даже более деспотическим, чем монархическое. Наличие принципа власти –

«дьявола всей человеческой истории» – подчинило, по мнению Бакунина, свободного человека церковной, судебной и научной властям, чуждым ему ложным авторитетам.

Основателем русского анархизма, сыгравшим важную роль в теоретическом обосновании и распространении анархистских идей, как в России, так и в Западной Европе, был Михаил Александрович Бакунин (1814–1876). Свою социально-политическую концепцию, созданную преимущественно под влиянием философии Фихте, Шеллинга и Гегеля, антропологического материализма Фейербаха, анархизма Прудона, утопических теорий Сен-Симона, Фурье и Вейтлинга, Бакунин изложил во многих сочинениях и, в частности, в работах «Федерализм, социализм и антителеологизм» (1867), «Кнута-Германская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия» (1873). В них давалось материалистическое объяснение социальных отношений, государственности и культуры, и «естественная природность» представляла как критерий истинности человеческого бытия. «Три основных принципа, – писал Бакунин, – составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории как индивидуального, так и коллективного. 1) Человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первому соответствует собственно социальная и частная экономия; второму – наука; третьему – свобода». Бакунин искал смысл социально-исторического прогресса в объективных законах жизни индивида и общества, ставя в зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы, состоящей, по его мнению, в том, что он эти законы познает и добровольно им повинует. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие «инстинкта солидарности. Исходя из антропологического подхода к изучению общества, Бакунин рассматривал все государственные и властные органы как специфическую институционализацию инстинктов, генетически заложенных в человеке, принимающую в

разных исторических условиях различные социальные формы. Мыслитель проводил принципиальное различие между обществом и государством. Первое, на его взгляд, существует благодаря «инстинкту солидарности», тогда как второе обязано своим бытием «инстинкту власти». Бакунин доказывал, что государство противостоит личной свободе, ибо возникло в результате насилия и войн и является временной формой организации общества, с которой связаны эксплуатация, привилегии, несправедливость, возведенные в систему. Антиэтатизм Бакунина был обусловлен характерным для него неприятием общественной морали, права, религии и науки, трактуемых им как феномены властеотношения. Наличие принципа власти – «дьявола всей человеческой истории» – подчинило, по мнению Бакунина, свободного человека церковной, судебной и научной властям, чуждым ему и ложным авторитетам. Как видим, онтология анархизма отличалась экстраполяцией властных отношений на всю сферу социального бытия, абсолютизацией отдельных моментов политики, связанных с господством и подчинением. Гегелевская схема взаимоотношений раба и господина стала субъективной предпосылкой в познании социума. Государство, доказывал Бакунин, является источником индивидуализма и бюрократизма, ибо для него жизненно важно сохранение социальных противоречий, создающих иллюзию необходимости государственной власти. Поэтому, по его мнению, требуется полное уничтожение существующего социально-экономического строя и недопустима любая политическая деятельность, поскольку она укрепляет государство. Бакунин верил в то, что «страсть к разрушению есть, вместе с тем, и творческая страсть». При этом он упускал из виду следующее обстоятельство: развитие цивилизации и усложнение общества нуждались в переходе от регулирования социальных отношений, основанных на традиционном праве и нравственных нормах, к безличным, рациональным и неморальным общественным регуляторам, воплощенным в политике и юридическом праве.

Государство с присущими ему атрибутами власти и социальной иерархией было результатом культурно-исторического прогресса, так же как и наука, техника или искусство. Для характеристики своей концепции он использует категорию коллективной индивидуальности, в которой осуществлен синтез идей свободы и коллективизма. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие естественной стороны демократии. В этой связи и свободу он считал результатом и высшим выражением общей солидарности, а личную свободу каждого человека выводил как производное от коллективной свободы общества, видя в историческом прогрессе проявление объективных законов жизни индивида и общества, и ставя в зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы. Бакунин подчеркивает: «Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путём книжного образования, а путём естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию...» [3; с. 511]. И в данном случае понятие естественного определяет онтологическую предпосылку познания народом своего бытия.

В категории коллективной индивидуальности получило отражение начало народности; мыслитель выступал за коллективные действия, коллективный труд и коллективную собственность, назвал себя и своих сторонников революционными социалистами. Коллективная индивидуальность Бакунина подразумевала все классы, народ, взятый в целом, т. е. народ «в его естественном и непосредственном определении». В анархии обеспечивались «полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей», основанные на общественной собственности и общем труде, равно для всех обязательном. «Инстинкт солидарности» должен был создать качественно новый тип социальной связи, образующийся в

соответствие с естественными потребностями общества, с учетом общественного мнения и на основе сознательной самодисциплины.

Бакунин так обозначил цели освобождения народа:

1) умственное освобождение;

2) социально-экономическое освобождение, где «основой являются два коренных положения: земля принадлежит только тем, кто её обрабатывает своими руками – земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам-рабочим ассоциациям;

3) вся будущая политическая организация должна быть «свободной федерацией вольных рабочих как фабричных как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)»;

Социальный идеал Бакунина представлял союзом свободных людей, организованных по принципу «снизу вверх» в виде федерации общин; политическая власть здесь растворялась в коллективе благодаря тому, что ее субъект идеально оказывался тождественным объекту. Общая воля совпадала с волей каждого, и человек повиновался лишь потому, что от него требовали то, что соответствовало его собственным желаниям.

Политическая доктрина Бакунина базировалась на трех аксиомах: 1) неустранимости индивидуализма государства, 2) отрицании иерархической системы власти и 3) идее немедленного перехода к безгосударственному обществу. Все они в той или иной степени следовали из тезиса о том, что государство, присвоив себе в истории роль посредника во взаимоотношениях между людьми, устранило естественные общественные связи. Государство, доказывал Бакунин, является источником индивидуализма и бюрократизма, ибо для него жизненно важно сохранение социальных противоречий, создающих иллюзию необходимости государственной власти. «Никакое государство без постоянного заговора существовать не может, заговора, направленного, разумеется, против народных, чернорабочих масс, ради порабощения и правильного обирания которых существуют решительно все государства, и в каждом

государстве правительство не что иное, как заговор постоянный меньшинства против обираемого и порабоощаемого им большинства», – писал Бакунин [3, с. 167]. Революционеры должны, по его мнению, желать «прежде всего, окончательного уничтожения государства» [4, с. 6–7]. Недопустима любая политическая деятельность, поскольку она укрепляет государство. Отрицательное отношение к государству Бакунин выразил и в написанной им в Праге в июне 1848 г. статье «Основы новой славянской политики», в которой государственной политике противопоставляется политика «свободных независимых людей». В этой связи он критиковал и марксизм, считая, что марксизм старается осуществить революцию при помощи диктатуры. Бакунин рассматривал все государственные и властные органы как специфическую институционализацию инстинктов, генетически заложенных в человеке, принимающую в разных исторических условиях различные социальные формы. Мыслитель проводил при этом принципиальное различие между обществом и государством. Первое, на его взгляд, существует благодаря «инстинкту солидарности», тогда как второе обязано своим бытием «инстинкту власти». Данная точка зрения являлась экстраполяцией принципа коллективной индивидуальности на сферу политических отношений. Бакунин доказывал, что государство противостоит личной свободе, ибо возникло в результате насилия и является временной формой организации общества, с которой связаны эксплуатация, привилегии, несправедливость, возведенные в систему.

В 1862 году Бакунин написал брошюру «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», в которой призывал Александра II возглавить народную революцию в целях осуществления демократической программы. Она предусматривала объявление всей земли собственностью народа, самоуправление и замену бюрократической централизации вольной областной федерацией, представление Польше, Литве, Украине, финнам, латышам, кавказскому народу свободы и прав распоряжаться своей судьбой и

установление с ними братского федеративного союза, оказание помощи в освобождение славян Пруссии, Австрии и Турции. Его программа также намечала тесный союз с Италией, венграми, румынами, греками, болгарями, предусматривала создание великой и вольной федерации всеславянской. В работах «Воззвание к славянам», «Основы славянской федерации», «Основы новой славянской политики» доказывалось, что на развалинах российской, прусской, турецкой и австрийской империй должна сложиться «великая вольная славянская федерация», основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви, на уничтожении крепостного права и сословного неравенства, на предоставлении каждому, кто пожелает земельного участка, в пределах любой из славянской земель. Бакунин установил контакты и с представителями финской эмиграции и заключил с ними союз, основанный на признании свободного самоопределения наций и провинций. На его взгляд, в федерации России, славянского мира и Европы «абсолютная наука», отказавшаяся от претензий на управление обществом и находящаяся в непосредственной связи с жизнедеятельностью людей, будет коллективным достоянием и «всеобщим сознанием» человечества.

Бакунин верил в то, что «страсть к разрушению есть, вместе с тем, и творческая страсть» [5, с. 148] и конструировал общественный идеал, создавая его путем отрицания существующего общественного зла и включения таких, на его взгляд, «желательных черт», как эгалитаризм, отсутствие социальных противоречий и государственной власти. Он доказывал существование предпосылок анархического идеала в русском народе, в существование «социалистического инстинкта» в крестьянстве, которое требовалось только организовать. К положительным чертам «народного идеала» Бакунин относил: 1) убеждение, что вся земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, 2) общинное право на землю; 3) противогосударственность. Он указывал и на отрицательные стороны народного идеала, такие, как патриархальность, «поглощение лица миром», вера в Бога и царя.

Мыслитель думал, что русский народ ввиду своего нищенского и угнетенного положения всегда обладает способностью к осуществлению революции. Следует отметить, что само представление о бунте в истории России возникло у Бакунина во многом в связи с тем, что, по его мнению, государство «раздавило общину государственными податями, начальственным произволом. В этих условиях бунт против государства становится бунтом против общинного и мирского деспотизма»[6, с. 131–141]. Он поясняет свою точку зрения, и пишет, что никакого «противочеловеческого» насилия не признает, но «...если приходится выбирать между разбойничеством и воровством восседающих на престоле или пользующихся всеми привилегиями и между народным воровством и разбоем, то я без малейшего колебания принимаю сторону последнего, нахожу его естественным, необходимым и даже в некотором смысле законным» [3, с. 542]. Здесь Бакунин использует понятие естественное, как и Д. Локк для аргументации в пользу революции. Но, если английский мыслитель ссылается при этом на христианские моральные принципы: человек, который не защищает свою жизнь, становится самоубийцей, то Бакунин имеет в виду присущий любому честному и разумному человеку инстинкт справедливости.

Инстинкт справедливости, согласно Бакунину, лежит в основе морального кодекса революционера, свою веру в скорую революцию он связывал с активными действиями небольшой группы революционеров. Исходя из опыта крестьянских выступлений во времена Смуты, восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева, Бакунин предлагал организовать бунт крестьян, разночинной интеллигенции и фабричных рабочих против самодержавия. Отсутствие в России среднего класса и замкнутость крестьянских общин, их отдаленность друг от друга облегчат, как он полагал, начало социальной революции. «Каждая община составляет в себе замкнутое целое. Вследствие чего – и это составляет одно из главных несчастий в России – ни одна община не имеет, да и не чувствует

надобность иметь с другими общинами никакой самостоятельной связи. Соединяются же они между собой только посредством батюшки – царя, только в его верховной, отеческой власти» [3, с. 517]. Задача революционеров, по его мнению, состоит в осуществлении «бунтовской связи» между общинами и организации повсеместного стихийного вооруженного выступления против местной и государственной власти. Особые надежды Бакунин при этом возлагал на деклассированные слои общества, с ними связывая проявление свободолюбивых инстинктов крестьянства. При этом с одной стороны, он говорил о невозможности импровизации в революции, которая должна определяться существующим у народных масс идеалом. С другой же стороны, полагал, что с помощью заговора, «под сурдинку революционеров» можно поднять народ на бунт. Можно утверждать, что на это противоречие повлияли ожидание скорой социальной революции в России и принцип революционной целесообразности. Как отмечал П.И. Новгородцев народничеству «не доставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости и «бунт – бессмысленный и беспощадный». Силу этой худшей части народной души и просмотрели русские народники, в этом была их глубокая ошибка и великая трагедия» [7, с. 567]. Здесь не вполне согласимся с мнением П.И. Новгородцева, так как Бакунин выделял также и негативные черты характера народных масс в России, души русского народа. Вместе с тем, общественный идеал Бакунина исходил из органической демократии, предусматривающей необходимость непосредственного участия народа в революции для создания органов самоуправления. Данный опыт совершения революции мог привести к различным непредсказуемым последствиям, но в этом и заключается сущность революции как стихийного творчества народных масс. Подобный опыт был и у других народов Европы, в

частности, Англии и Франции, который в итоге привёл к установлению у них демократического правового государства.

Интерес вызывает в этой связи концепция другого видного представителя русского анархизма Петром Алексеевичем Кропоткина, который стремился обосновать философию анархо-коммунизма в сочинениях «Речи бунтовщика» (1885), «Нравственные начала анархизма» (1891), «Хлеб и воля» (1892), «Записки революционера» (1902), «Взаимопомощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (1907), «Этика» (1922). Ученый в своей методологии исходил из идей Спенсера, Дарвина, Прудона и французских утопистов-социалистов, придав им оригинальную форму синтетической философии. Результаты научного изучения природы и общества подтверждают наличие объективных биологических и социальных предпосылок коллективистского уклада жизни анархизма, и, по мнению мыслителя, «фактор взаимопомощи» и «инстинкт общительности» имеется почти у всех живых существ, что доказывает истинность программы борьбы за социально справедливое общество.

Этика солидарности, идеалы трудового коллективизма и «право на довольство» выдвигались Кропоткиным в противовес философии индивидуализма и эгоистической морали людей, находящихся при капитализме в состоянии непрерывной конкурентной борьбы друг с другом. Политическая философия русского анархиста была ориентирована на критику не гуманности буржуазных отношений, а также многочисленных нарушений прав личности со стороны государства и его чиновников. Кропоткин верно отметил такие негативные черты в деятельности государственных учреждений, как юридический формализм и милитаризация. «Мы начинаем изучать основной характер закона и находим, что его отличительная черта всегда была неизменность, застой, окаменение, – в то время как человечество всегда стремится к непрерывному развитию» [8, с. 77]. Альтернативой государства ему представлялась неполитическая организация человечества на основе сознания

единства между всеми людьми и взаимной их поддержки. На смену «пирамидальной» социальной структуре, управляемой «сверху вниз», должен был прийти «мирской порядок» – децентрализованное общественное самоуправление «снизу вверх». Эгалитарный коммуно-анархизм Кропоткина был обществом равноправных людей, в котором общественно полезный труд не являлся вынужденной необходимостью. Частная собственность, как мешающая коллективной жизни, была экспроприрована. Личности в пределах общих форм деятельности предоставлен полнейший простор. Согласно Кропоткину, закон – явление относительно новое, так в истории люди управлялись на основе обычаев, привычек, нравов. Социальный идеал русского анархиста был гуманистичен и воплощал коллективистские принципы общинных отношений, нормы обычного права, существующие в крестьянском «мире». Анархизм представал в виде федеративного и всепланетного союза производительных общин, объединенных на основе свободного соглашения. Общественное мнение и образование призваны были обеспечить воспитание и соблюдение в жизни коллективистской нравственности. Высочайший уровень развития науки, по Кропоткину, создавал все условия для неуклонного социального прогресса, а также удовлетворения «без лишней траты сил» разумных потребностей людей. Гарантией от проявления эгоизма личности должна была быть нравственная сила людей. В анархистском обществе, полагал мыслитель, сила личности противостоит не власти, а «противообщественным буйным страстям другой личности». Недостойным для человека страстям должны противостоять «столь же сильные нравственные страсти». Отношения между людьми определяются не законами, декларируемыми властителями, а взаимным соглашением свободных личностей и свободно признаваемыми обычаями и привычками, которые не застывают в своих формах, а «постоянно развиваются, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений, к

развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного».

Спецификой философии Кропоткина были панморализм, абсолютизация роли нравственности в духовной культуре, недооценка значимости политико-правовой сферы общества. Революционно-гуманистический и утопичный идеал философа предполагал его реализацию посредством социального переворота, изменяющего коренные экономические, социальные и политические отношения. Но в отличие от Бакунина Кропоткин связывал начало революции не с отчаянием масс, а с надеждой, которую народ возлагает на последствия революции. «Если отчаяние часто толкает на бунт, то только надежда – надежда на победу совершает революцию». Социальная революция для русского анархиста являлась не столько разрушительной, сколько созидательной силой, подготовленной предшествующим ходом истории и служащей ускорению социального прогресса. Она оказалась отправной точкой для последующего преобразования, ставящего своей целью создание анархии. Важную роль в предстоящей крестьянской революции Кропоткин уделял революционному меньшинству и другим факторам в ее подготовке, придавал большое значение развитию в рабочем классе взаимопомощи, солидарности и инициативы, революционному самосознанию людей. Ему, как и Бакунину, было свойственно стремление к «пропаганде действием», прямому воздействию на процессы общественного развития с целью их ускорения, желание ввести непосредственно коммунистический быт, минуя демократический этап социальных преобразований. Следует видеть и сложность той задачи, которую он поставил перед собой,— создания неполитической организации в обществе, что не помешало мыслителю увидеть несоответствие своего идеала с результатами «большевистского переворота» и подвергнуть его критике.

В заключение отметим, что философия права русского анархизма включала значительный антибюрократический пафос,

направленный на критику формально-юридических сторон буржуазного и абсолютистского государства; она отражала стремление значительной части русской интеллигенции к преодолению характерной для западноевропейской политической мысли XIX века антитезы личность-общество, право-мораль. В философии права М.А. Бакунина присутствует идеал универсальной, подлинно народной, а не ограниченной защитой интересов немногих демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Камю А. Бунтующий человек. М., Политическая литература. 1990.
2. Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Т. II. СПб., 1911.
3. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., Правда 1989.
4. Бакунин М.А. Наша программа // Народное дело. 1868. № 1.
5. Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. III. М., 1935.
6. Бакунин М.А. Анархия и порядок. Соч. М., 2000.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Пресса. 1991.
8. Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. М., Эксмо. 2004.